

[Дхвани]

Перед моим отъездом родители неоднократно повторяли мне:

— Не ешь ничего из придорожных лотков. Возле этих лотков летают стаи мух, они ужасно грязные... Не пей и некипяченую воду, иначе, я гарантирую, тебя будет тошнить три дня. Медицинская система там настолько отсталая, что если ты действительно заболеешь, никто тебе не поможет, даже если ты будешь умолять об этом!

— Нет, все будет в порядке. У меня хорошее здоровье, поэтому я просто возьму с собой две упаковки этих таблеток. — сказал я. — У меня в чемодане больше нет места для этого.

Мама в спешке приехала из деревни, чтобы осмотреть содержимое моего чемодана.

— Что для тебя важнее - жизнь или искусство?

— Искусство.

— Боже мой!

Мама открыла большой пластиковый пакет, в котором лежала небольшая горка лекарств, и спросила, сколько их еще поместится в моем чемодане. Я сказал, что на самом деле он был полон. Мама подбоченилась, оглядывая дом, и спросила:

— Он пойдет с тобой?

— Да. — кивнул я.

— Где он?

— В доме студента для разговора по душам. — я посмотрел на часы. — Он вернется позже.

Мама вздохнула.

— Мы не имеем права решать, что тебе делать в данный момент. Запихни все это в его сумку... Лучше бы ты ничего не забыл!

Я тут же пообещал ей, что мы заберем это.

Мама немного поворчала перед отъездом, и я терпеливо выслушал ее. Честно говоря, было здорово, что они одобрили мое путешествие в Индию. В предыдущие разы, когда я заговаривал с ними об этом, они хмурили брови и поджимали губы, выражение их лиц было странно синхронным, как будто они спрашивали: «Зачем вы туда едете?»

-

И вот я в Старом Дели, смотрю на придорожный киоск, где продают чай с молоком.

Его разливают в прочные керамические горшки, аккуратно расставленные на платформе грузовика. Изнутри доносится соблазнительный аромат. На вывеске написано, что порция продается за пять рупий. Однако меньшую порцию разливают в маленькие керамические горшочки, и именно поэтому нельзя отходить слишком далеко от грузовика... После того, как вы допьете напиток, вам придется вернуть горшочки на место.

На улице царил суматоха. Когда я делал паузу, Шэнь Сюй тоже делал паузу, как будто предвидел, что это произойдет, и повернулся, чтобы спросить, не хочу ли я чего-нибудь.

Он по-прежнему стоял ко мне спиной, его плечи были слегка наклонены в сторону, в свете фонаря линия подбородка казалась особенно изящной. Я на мгновение остолбенел. Эта сцена казалась такой знакомой, шокирующе знакомой. Приснилось ли мне это...? Или я уже испытывал нечто подобное раньше?

В то же время это место казалось мне очень знакомым. Я бы скорее назвал это чувством близости, которое неожиданно обрушилось на меня, как будто эта земля непрерывно звала меня в течение первых двух десятилетий моей жизни. Теперь, когда я был здесь, он приветствовал меня всеми доступными ему приятными вещами.

— Выпей немного, если хочешь, Сяоцинъ. — Шэнь Сюй подошел и взъерошил мои волосы. — Тебе не нужно слишком много думать об этом.

Мой разум подсказывал мне, что я должен держаться подальше, но мое тело отказывалось слушаться. Я услышал, как сам сказал:

— Конечно.

Я наклонился к нему еще ближе.

Владелец киоска с энтузиазмом приветствовал своих покупателей. Мы оба взяли зеленовато-серый стаканчик, наполнили его чаем, нашли затененное место, сели на корточки на полу и попробовали наши напитки. Рассеянные лучи солнца падали на нас сквозь щели между листьями, ресницы Шэнь Сюя выглядели под ними как два пушистых пучка травы.

Он отхлебнул из своего чая, посмотрел на меня и улыбнулся, прежде чем откинуть назад волосы, падающие ему на лоб.

В мгновение ока это переменялся на снимок, сделанный много лет назад. Я смутно помнил эти слегка опущенные уголки его глаз.

Двойная экспозиция.

«Я, должно быть, сошел с ума». Никто не станет спрашивать случайного незнакомца, которого он встретил в своих путешествиях, не парень ли он ему. Как странно, какой волнующий приступ безумия!

— Вкусно? — Шэнь Сюй обернулся, чтобы спросить меня нежным голосом.

Мое сердцебиение участилось. Он был так привлекателен, даже слишком привлекателен, чтобы быть правдой... Если бы не моя исключительная сдержанность, я, вероятно, попал бы в зону действия его чар, споткнувшись о собственные ноги и не в силах уйти.

Такого человека, как он, невозможно забыть, даже если ты взглянешь на него всего один раз. Ты бы без умолку болтал о нем со своими друзьями, размышлял о нем, наслаждался им, надеялся, что увидишь его снова.

У меня в руках был тяжелый стаканчик. Неосознанно я поглаживал его, понемногу, следуя горизонтальным линиям, как будто это единственное, что здесь есть настоящего.

— Сладко. — сказал я. — И обладает освежающим ароматом.

— Индийцы любят сладкое. Они символизируют счастливую жизнь без препятствий. — серьезно объяснил Шэнь Сюй, помня о своих обязанностях гида. — Не слишком ли это сладко?

Он всегда угадывал, что у меня на уме.

— Немного. — ответил я. В Китае я бы заказывал напитки только с 30-процентным содержанием сахара.

— В мой чай не добавляли слишком много тростникового сахара, так что давай поменяемся. — Шэнь Сюй непринужденно взял стаканчик из моих рук, как будто знал, что я соглашусь.

Это была правда, что я не был против. Шэнь Сюй поменял один стаканчик на другой. И его губы коснулись того места, которого касались мои губы.

Если я не ошибался, его закрытые веки дрожали.

Кончики моих ушей горели. Я выпил остатки чая несколькими глотками и сидел, ожидая его.

Эта моя привычка... есть и пить с жадностью... была вредна, я знал, но я не мог от нее отказаться. Маме не нравилось, с какой скоростью я ем. Она всегда говорила мне, чтобы я притормаживал, и что я выгляжу так, будто много лет голодал. Другие люди, увидев меня, подумали бы, что мои родители плохо со мной обращались.

Я упрямо твердил, что хочу больше времени уделять учебе.

— Учеба? Что тебе там нужно изучать? — поддразнила меня мама. — Прекращай.

Однако я хотел учиться из-за обещания. Раньше я не занимался с таким рвением. Теперь, когда я думал об этом, я был немного влюблен, но это того стоило, потому что в обмен на усердную учебу у меня появился парень. Как здорово.

Когда мы учились в старших классах, мы могли раз в неделю сходить куда-нибудь поужинать. Все ходили куда-нибудь по двое или по трое. Представитель китайского класса ходил с представителем английского, я гулял со своим другом из того же художественного класса, а представитель географического класса оставался один. Он всегда был один.

Однажды он встречался со всеми остальными, но меня там не было, потому что я был в тренировочном лагере. Когда я вернулся, я услышал, как мои одноклассники сплетничали о нем. Они говорили, что на самом деле он был довольно предприимчивым. Когда они заказали цыпленка бобо, он продолжал заказывать, даже когда все остальные сказали, что у них достаточно. Он не знал, как оценить обстановку в зале.

Я не поверил. Должно быть, здесь было какое-то недоразумение, потому что Дидай никогда бы не стал таким человеком. Дидай, человек, который мог нарисовать океанские течения мира на бумаге одними руками, был совершенен, никаких возражений не допускалось.

Поэтому я всегда хотел получить возможность расспросить его о том, что на самом деле произошло в тот день, но при расспросах о таких вещах важно было выбрать подходящий момент, и я никак не мог найти его.

Однажды, отведав на ужин тушеного цыпленка по-китайски, я увидел, как он стоит перед

чайной, разглядывая светящееся меню.

— Дидай! Что ты покупаешь? — я обнял его за шею, перекинув сумку на другую сторону. Подросткам, таким как я, нравилось скрывать то, что было у нас на уме, за этими, казалось бы, дерзкими поступками.

— Чай с молоком. — он повернулся боком, и его выразительный нос оказался совсем близко от моего лица. — Я получил стипендию и решил побаловать себя чашечкой.

— Поздравляю! Ты раньше не пробовал напитки из этого магазина?

Он опустил взгляд.

— Нет.

— Это вкусно. — я указал на «Якултский зеленый чай».

— Конечно. — с готовностью ответил он, как будто вообще не думал о своем ответе, прежде чем потащить меня, все еще цеплявшуюся за него, к стойке и заказать две чашки зеленого чая «Якулт».

— Две? — я бесстыдно продолжал цепляться за его плечо.

— Я куплю тебе такую же.

Дидай улыбнулся. Когда он улыбался, на его лице появлялись ямочки, и это придавало ему привлекательный вид. Очарованный им, я молча стоял и позволил ему платить.

Стипендия, которую предлагал университет, была небольшой. Позже я спохватился... Надо было заплатить.

Кассир спросил, сколько сахара мы хотим, и я сказал, что 30% сахара и безо льда. Когда нам принесли напитки, они были холодными. Я попробовал чай, прежде чем воспользоваться возможностью и сказать:

— Давай будем друзьями по еде, Дидай!

— Кто такие друзья по еде? — он выглядел смущенным.

— Как следует из названия, друзья, которые едят вместе!

— А, понятно... — он откусил соломинку и задумчиво произнес. — У тебя много друзей.

Я поперхнулся.

— Но у меня нет лучшего друга!

— Конечно. — он неожиданно согласился на это, быстрее, чем я мог себе представить.

-

Когда мимо проезжала цистерна с водой, дерево скрипело, словно не выдерживая нагрузки. Я поднял глаза и встретился взглядом с Шэнь Сюем. Он уже допил свой чай с молоком, крутя маленький кофейник на пальце.

— Задумался?

— Да. — кивнул я, и встал, отряхивая пыль со своих брюк. — Пошли.

— Конечно. — он поднял на меня глаза и улыбнулся, в уголках его рта появлялись две неглубокие ямочки. — Хочешь посмотреть танец?

— Какой танец?

— Махабхарату. Великолепное изложение истории о династии.

Это вызывало у меня интерес. Так получилось, что у меня в кармане была бумага и карандаш, чтобы я мог как следует записать то, что увижу. Шэнь Сюй шел впереди, когда мы пробирались мимо переполненных рынков. Продавцы наана изо всех сил демонстрировали нам свой товар, их пальцы ловко танцевали на ветру и в пыли.

Наан. Наан, белый с черными крапинками... белый наан с черными мухами.

Кто-то взмахнул в воздухе рукавами своей рубашки, и мухи на мгновение рассеялись, а затем снова опустились темным облаком. Небольшая хижина, построенная из пальмовых листьев, где проводились танцы, находился за местом проведения наана и напротив колодца. Мужчины и женщины с обнаженной грудью входили и выходили, их смуглую кожу украшали слезы, скрепленные золотыми цепочками. Слезы могли быть искусственными, но это несколько не умаляло красоты танцоров.

Я широко открыл глаза, проходя под бамбуковыми шторами, которые поднял для меня Шэнь Сюй. Внутри хижины было жарко и душно, она была наполнена негромкими голосами и музыкой неизвестных инструментов. Лучи света в форме острых зубов падали на нас, смутные и мимолетные. Шэнь Сюй, похоже, был здесь завсегдаем. Он неторопливо прошел вперед и запустил пальцы в керамическую тарелку. Он повернулся и, подходя, провел пальцами по лицу, оставляя на нем две полосы глины цвета дождевых лягушек.

— Я делаю то же, что и местные жители. Сяоцзинь... — он поднял на меня глаза, и в его взгляде читалась угроза. — Почему ты не идешь со мной? Я думал, тебе нравится смотреть выступления.

Неожиданно мне помогли, и мои ладони стали кроваво-красными. Влажная глина таяла в моих ладонях, липкая масса склеила мои десять пальцев.

Путь к входу был длинный и узкий проход. Удары барабана, доносящиеся изнутри, становились все более хаотичными, все более безумными, и Шэнь Сюй внезапно остановился. Я подходил к нему все ближе и ближе, делая несколько шагов вперед, но он не отступил, просто смотрел на меня сверху вниз.

Множество пар глаз светились в темноте.

Мы не могли быть настолько ближе друг к другу, чем сейчас. Золото, серебро и специи здесь могли быть галлюциногенными. Я крепко схватил его за воротник, оставляя на нем красные следы, похожие на последние усилия умирающего.

— Шэнь Сюй, мы с тобой знакомы?

<http://bllate.org/book/14890/1347413>